

Слепокуров Алексей Александрович

РАЦИОНАЛЬНАЯ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ СМЕРТИ: ОПЫТ ТАНАТОЛОГИИ

В статье анализируются этапы становления танатологии как попытки рациональной концептуализации смерти. Эта концептуализация в различных танатологических дискурсах (от медико-биологического до гуманитарного) в результате оказывается не постижением смерти как таковой, а всего лишь различными культурными образами смерти. Это - свидетельство того, что смерть - непостижима и ее непостижимость доступна лишь философской рефлексии.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2016/6-1/44.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 6(68): в 2-х ч. Ч. 1. С. 183-186. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2016/6-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

УДК 101.3

Философские науки

В статье анализируются этапы становления танатологии как попытки рациональной концептуализации смерти. Эта концептуализация в различных танатологических дискурсах (от медико-биологического до гуманитарного) в результате оказывается не постижением смерти как таковой, а всего лишь различными культурными образами смерти. Это – свидетельство того, что смерть – непостижима и ее непостижимость доступна лишь философской рефлексии.

Ключевые слова и фразы: смерть; танатология; наука; природа; диалектика; метафизика; тайна смерти; философия; современная культура.

Слепокуров Алексей Александрович

*Воронежский государственный университет
s.alyosha@bk.ru*

РАЦИОНАЛЬНАЯ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ СМЕРТИ: ОПЫТ ТАНАТОЛОГИИ

Тема смерти – это большая тема философии, науки, искусства и религии, то есть всей человеческой культуры. Уровень мышления человека напрямую связан с тем, насколько он глубоко осуществляет рефлексию над смертью. А. Шопенгауэр очень точно подметил: «Едва ли даже люди стали бы философствовать, если бы не было смерти» [19, с. 477]. Действительно, размышлениями о смерти пронизана человеческая мысль, которая изначально стремится понять смерть, постичь ее сущность, научиться правильному отношению к ней [1, с. 33]. Практически все известные мифопоэтические и религиозно-философские учения различных народов проникнуты мыслью о смерти. Отношение к смерти является антропологическим кодом культуры, раскрывающим наиболее универсальные и инвариантные черты человеческого существования.

Первоначальная архаическая форма рефлексии над смертью по преимуществу носила характер поиска обретения бессмертия. «История человеческой цивилизации, – отмечает П. С. Гуревич, – содержит волнующую летопись многочисленных попыток древнейших культур сохранить жизнь и избежать смерти. Во многих культурах предполагалось, что каждый может должным образом подготовиться к смерти, если получит нужные знания о процессе умирания» [4, с. 9]. Поиск такого знания и составлял основное духовное занятие людей древнего периода человеческой культуры, которые отражали накопленные сакральные сведения в известных «Книгах мертвых». Знания о смерти должны были способствовать достижению практического бессмертия.

Таков первоначальный *сакрально-практический* период осмысления смерти, вслед за которым приходит *рефлексивный* этап, которым уже в значительной мере отмечена древнегреческая философская мысль. От Сократа и Платона до А. Шопенгауэра, Ф. Ницше, Н. Федорова, Ф. Достоевского, Л. Толстого и М. Хайдеггера европейская философская мысль накопила огромный пласт важнейших представлений о смерти. Эти представления носят весьма разнородный и противоречивый характер, но в совокупности они раскрывают нечто духовное и нравственно значимое о человеке, о его бытийной судьбе.

Однако, несмотря на вездесущность рефлексии над смертью в различных формах с древнейших времен человеческой культуры, «танатология» (в буквальном смысле «наука о смерти») появилась сравнительно недавно. Исследователи отмечают, что первый период возникновения танатологии приходится на вторую половину XIX века. В этот период танатология утверждается в качестве естественной науки, что находит отражение в Оксфордском словаре, который фиксирует использование этого понятия в медицинских и естественнонаучных книгах за 1842, 1861, 1881, 1901 годы [8, с. 8].

Далеко не случайно, что первоначально танатология появляется в контексте естественнонаучного знания, поскольку, как отмечает М. М. Федорова, «...важнейшим моментом, оказавшим влияние на формирование современных представлений о смерти, были *естественные науки* – прежде всего биология, медицина, социальная гигиена, – которые в значительной степени способствовали дехристианизации понятия смерти» [17, с. 28-29]. Когда естественнонаучное знание приобрело статус культурной парадигмы, то это повлекло за собой изменение аксиологических приоритетов жизни. Многим стало очевидно, что «в жизни нет бессмертия, идея которого рождена страхом неизбежного ухода и жадной жизни» [6, с. 11]. Христианская концепция смерти, в основании которой знание о смерти носило символический и духовно-назидательный смысл, сменилась на рациональный подход, базировавшийся на эмпирических фактах и исключавший всякую метафизику как в лице религиозного вероучения, так и в виде идеалистической философии.

Танатология, таким образом, основанная на естественных науках, является первой формой *рациональной концептуализации смерти*, цель которой не достижение бессмертия, а научное изучение смерти. Что могло дать такое знание человеку? Ничего, кроме продления человеческой жизни и примирения со смертью как неизбежным, естественным концом. Но чтобы выполнить эти медико-этические задачи, необходимо было естественнонаучное исследование смерти, ее сущности, механизмов и свойств.

Такую задачу ставил перед собой «пионер» отечественной научной танатологии И. И. Мечников, который в работе «Этюды оптимизма» употребляет понятие танатологии применительно к изучению естественной смерти. Ученый считал, что танатология только начинает развиваться, ведь по сравнению с тем, какое место смерть занимает в философии, религии, искусстве, народных преданиях, в науке ей отводится весьма незначительное внимание. Он писал: «Этим печальным обстоятельством можно если не оправдать,

то, по крайней мере, отчасти объяснить нападки на науку за то, что она занимается частными вопросами и пренебрегает великими задачами человеческого бытия, как, например, вопросом смерти» [10, с. 90].

Идеи И. И. Мечникова в дальнейшем стали руководством для многих ученых, изучающих смерть. Одна из наиболее серьезных попыток развития научной танатологии была предпринята уже в советский период ученым-патологоанатомом Г. В. Шором. Опираясь на идеи И. И. Мечникова, в книге «О смерти человека. Введение в танатологию» он следующим образом определяет свою задачу: «Танатология должна понимать свои задачи не узко в смысле трактата о статике смерти, а более широко. Главнейшей задачей танатологии должно быть выяснение всех условий, приведших к смерти организм, как индивидуальное целое. Танатология должна включить учение о динамике умирания, т. е. учение о танатогенезе» [20, с. 7].

Можно сказать, что И. И. Мечников и В. Г. Шор являются классическими представителями научной танатологии. Вместе с *дехристианизацией* происходит и *демистификация смерти*; смерть теряет ореол таинственности, что открывает возможность ее научного, медико-биологического изучения. В сущности, такой подход ограничен диалектико-материалистическим пониманием жизни и смерти, классическая формулировка которого дана Ф. Энгельсом в «Диалектике природы». В этом произведении он утверждает, что смерть есть момент жизни, причем существенный, более того, в самой жизни уже заложено отрицание жизни, а «жить – значит умирать» [21, с. 611].

В этом определении, кроме того, что смерть является отрицанием жизни, что есть необходимый элемент диалектического закона, нет никаких указаний на то, что же такое смерть в своем существе. И жизнь, и смерть оказываются поглощенными могучими законам диалектики, подчиняющимися природе, ее естественным ритмам, которые при этом не раскрывают самой внутренней механики смерти, всегда преподнося человеку лишь результат. По сути дела, здесь человек рассматривается исключительно как природное существо, поскольку его «начала» и «концы» объясняются исключительно биологически.

В советский период танатологические исследования были выдвинуты в область эмпирических исследований патологоанатомии, судебной экспертизы и реаниматологии. Материалистическая установка этого периода не позволяла видеть в смерти нечто большее, нежели биологический факт. Вот показательные слова известного ученого-реаниматолога В. А. Неговского: «Марксистская философия давно решила вопрос о смерти как о закономерном и естественном завершении жизни. Марксистская философия решила и вопрос о бессмертии: после смерти человек остается жить в результатах его творчества, в совершенных им делах» [11, с. 55]. Это воззрение полностью вписывается в представления Ф. Энгельса о диалектике жизни и смерти.

Такова рациональная концептуализация смерти в научной танатологии, которая считала, что достигла истинного знания о смерти как биологическом феномене, которое возможно лишь на путях науки. Это закрывало возможность исследования смерти иными (не научными) способами. Философия фактически превратилась в служанку марксистской идеологии, свернув рефлексию над смертью, которой была весьма богата российская дореволюционная мысль.

При этом следует сказать, что научное изучение смерти не дает значимого результата для человека, который ищет смысл своего бытия. Методы научного анализа, среди которых главнейший – это верификация, совершенно неприменимы к такому феномену как смерть. Можно научно изучать «околосмертные» состояния сознания, клиническую смерть (то есть танатогенез), но не саму смерть в ее сущности. За явным отсутствием позитивного опыта смерти, ее предметности эта область остается закрытой для научного исследования, для которого важны всегда эмпирические данные.

Очень точные и глубокие слова о невозможности научного постижения смерти сказал Я. Голосовкер: «Убегая от смерти, не понимая ее, и чем дальше, тем все сосредоточенней, мучительней и трагичней мысль о ней, и тем самым все более не понимая ее (ибо никакая наука не поняла смерти и не примирила с нею мысль), человек, борясь за существование, за свою жизнь, за свою мысль, устремлялся к вечной жизни, к бессмертию» [3, с. 22].

Наиболее важный момент в этих словах, что смерть делает мысль бессмыслицей. Это говорит о *немыслимости смерти*, а значит и о бесперспективности научного понимания и познания смерти и, следовательно, о невозможности рациональной концептуализации смерти, на что претендует танатология. Идеи Я. Голосовкера являются антитезой всей практике научной танатологии, обозревая которую, можно признать правоту философа.

Если поискать следы научной танатологии и ее философского антипода в традициях русской философской мысли, то можно сказать, что исток данного типа танатологии коренится в учении Н. Ф. Федорова о воскрешении умерших предков научно-техническим способом, а философский аспект представлен в трудах многих русских мыслителей, но, как мы полагаем, в большей мере у В. В. Розанова и Л. Шестова.

Исходя из своего понимания смысла научной деятельности, Н. Ф. Федоров критикует современную ему науку и философию за то, что они не занимаются вопросом о смерти. В статье «Живоносный Памир и смертоносная Индия» он пишет: «Наука или философия требует от разумного существа суеверного признания факта, выраженного в смерти, в господстве слепой силы над сознающим существом. Если и дозволяется смерть или смертоносную силу делать предметом исследования, то с строгим воспрещением относиться критически к ее законности, к ее господству. У науки нет ни совести, ни стыда, ни сострадания» [16, с. 218].

Конечно, у Н. Ф. Федорова не танатология в строго научном смысле, а своеобразное учение, в котором соединены и научные, и технические, и религиозные, и философские, и нравственные, и экономические идеи, имеющие одну главную цель – восстановление ушедших поколений во всей жизненной полноте. Но главное то, что Федоров полагал, что такое восстановление возможно с помощью научно-технических средств, что означает возможность рационального постижения смерти. В этом смысл «регуляции природы», в которой науке отводится главенствующее место. Именно поэтому можно говорить по крайней мере об элементах научной танатологии у создателя «философии общего дела».

Интересно отметить сходство и существенные различия между танатологией, основанной на материалистической концепции, и федоровской, основанной на религиозной. Общим является *открытость смерти* для научного постижения. Только в случае материалистической танатологии это необходимо для доказательства абсолютности смерти для индивидуального существования (*смерть – закон природы*), а для Федорова это нужно для воскрешения умерших предков (*смерть – ошибка природы*).

Совершенно иная смысловая направленность по сравнению с Н. Ф. Федоровым обнаруживается в словах В. В. Розанова, который в статье «О Сладчайшем Иисусе и горьких плодах мира» писал: «Смерть – вот высшая скорбь и высшая сладость. Таинство смерти никто ведь не разгадал» [13, с. 570]. Таким образом, танатологии, основанной на возможности научного постижения и регулирования смерти, противостоит философский взгляд, который основывается на метафизическом и этико-эстетическом восприятии смерти как тайны.

Постсоветский период танатологии отличается разнообразием методов и подходов за счет прилива большого количества исследований из разных областей знания. Эти подходы характеризуются элиминированием философского начала из исследовательского пространства: «Сегодня проблемы человека и его бытия рассматриваются вне метафизического контекста. Их изучение упирается в рассмотрение этико-правовых оснований или культурно-исторического контекста... с одного конкретного научного ракурса» [9, с. 110].

В целом сложившуюся ситуацию можно охарактеризовать как *танатологическую эклектику*. Показательна в этом отношении точка зрения исследователей, которые одни из первых легитимизовали дискурс смерти в постсоветской философии. Так, М. С. Уваров пишет: «Идея смерти и умирания человека обрамляют все размышления о современной культуре. Возникают удивительные парадоксы века, в котором соседствуют гуманизм и людоедство, христианство и мракобесие, демократия и коммунизм» [15, с. 22]. Сходной позиции придерживается и А. В. Демичев, который связывает танатологию с постмодернизмом [5, с. 227].

Концептуальный анализ современной российской танатологии дан в работах В. В. Варавы, Р. Л. Красильникова, М. С. Уварова и др. [2; 8; 15]. В этих работах отмечается, что на смену научной концептуализации смерти приходит гуманитарная концептуализация, в основании которой преимущественно описательные (исторические, литературоведческие, культурологические) стратегии. В этих стратегиях философское начало представлено крайне скупо.

При этом существует направление *философской танатологии*, которое представлено в работах А. В. Демичева, О. С. Пугачева, М. С. Уварова, М. А. Шенка и др. [5; 12; 15; 18]. В этих работах смерть рассматривается с философской точки зрения. Существенным моментом является указание на то, что танатология как наука, предполагающая сущностное знание о смерти, в принципе невозможна.

Таким образом, рациональная концептуализация смерти в различных танатологических дискурсах (от медико-биологического до гуманитарного) в результате оказывается не сущностным постижением смерти как таковой (что предполагается семантикой слова «танатология»), а всего лишь различными культурными образами (проекциями) смерти. Это – свидетельство того, что смерть – непостижима и ее непостижимость доступна лишь философской рефлексии. Возможно, что ситуация танатологической эклектики возникла из-за утраты доверия к научному познанию смерти, что, в свою очередь, спровоцировало «танатологический бум». Но смерть в своей сущности осталось несколько не постигнутой; в этой области нет никакого прогресса.

В контексте современного повышенного интереса к теме смерти, а также большого количества различных исследований, необходимо более глубокое обращение к философии, в том числе и к отечественной, в которой представлена фундаментальная *метафизическая аналитика смерти*. Негативный опыт танатологии все же имеет определенное положительное значение: невозможность достоверного и однозначного знания о смерти свидетельствует о неоднозначности человеческого бытия. Абсолютная герметичность смерти для любой аналитики говорит о неполноте рационального метода познания. Речь в данном случае идет не только о смерти, но и о других феноменах бытия, которые также не могут быть полностью постигнуты рациональными методами (страдание, счастье, любовь, смысл, вера, надежда и т.д.).

Возможно, что гносеологическая и онтологическая «неудача» танатологии расширит горизонт современной философии, которая сможет предложить принципиально новую стратегию познания мира и человека. Если смерть немыслима и непостижима в онто-гносеологическом смысле, то на первый план выдвигается аксиологический аспект смерти, который в большей мере способствует пониманию человеческой ситуации.

Список литературы

1. Андреева А. В., Феньвеш Т. А. Смерть как социальный феномен // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 1 (27): в 2-х ч. Ч. II. С. 33-36.
2. Варавы В. В. Современная российская танатология (опыт типологического описания) // Парадигма: философско-культурологический альманах. СПб., 2008. Вып. 10. С. 61-72.
3. Голосовкер Я. Э. Избранное. Логика мифа. М. – СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2010. 496 с.
4. Гуревич П. С. Смерть как тайна человеческого бытия // Токарчик А. Мифы о бессмертии. М.: Прогресс, 1992. С. 5-29.
5. Демичев А. В. Философские и культурологические основания современной танатологии: дисс. ... д. филос. н. СПб., 1997. 280 с.
6. Кадакин А. Verba Volant scripta manent // Смерть в Махараштре. Воображение, восприятие, воплощение. М.: Наталис, 2012. 816 с.
7. Клемен К. Х. Жизнь мертвых в религиях человечества. М.: Intrada, 2002. 223 с.
8. Красильников Р. Л. Эпистемологические проблемы гуманитарной танатологии // Мортальность в литературе и культуре. М.: Новое литературное обозрение, 2015. С. 7-18.

9. **Лященко М. Н.** Танатологические основания смертной казни в монтенизме // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2015. № 2 (52): в 2-х ч. Ч. I. С. 110-113.
10. **Мечников И. И.** Этюды оптимизма. М.: Наука, 1988. 328 с.
11. **Неговский В. А.** Об одной идеалистической концепции клинической смерти // Философские науки. 1981. № 4. С. 52-63.
12. **Пугачев О. С.** Введение в иммортологию: историко-философский и этический анализ. Пенза: РИО ПГСХА, 2001. 152 с.
13. **Розанов В. В.** О Сладчайшем Иисусе и горьких плодах мира // Розанов В. В. Религия и культура. М.: Правда, 1990. Т. 1. С. 560-572.
14. **Розанов В. В.** Русская Церковь // Розанов В. В. Религия и культура. М.: Правда, 1990. Т. 1. С. 327-355.
15. **Уваров М. С.** «Смерть смерти»: постмодернистический проект // Перспективы метафизики. Классическая и неклассическая метафизика на рубеже веков. СПб.: Изд-во Института человека РАН, 1997. С. 21-28.
16. **Федоров Н. Ф.** Собрание сочинений: в 4-х т. М.: Традиция, 1997. Т. III. 744 с.
17. **Федорова М. М.** Образ смерти в западноевропейской культуре // Психология смерти и умирания. Мн.: Харвест, 1998. С. 8-35.
18. **Шенкао М. А.** Основы философской танатологии. Черкесск: КЧТИ, 2002. 252 с.
19. **Шопенгауэр А.** Мир как воля и представление. М.: Наука, 1993. Т. II. 672 с.
20. **Шор Г. В.** О смерти человека. Введение в танатологию. Л.: Кубуч, 1925. 271 с.
21. **Энгельс Ф.** Диалектика природы // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. М.: Изд-во политической литературы, 1961. Т. 20. С. 343-629.

RATIONAL CONCEPTUALIZATION OF DEATH: THANATOLOGY EXPERIENCE

Slepokurov Aleksei Aleksandrovich
Voronezh State University
s.alyosha@bk.ru

The article analyzes the developmental stages of thanatology as an attempt of the rational conceptualization of death. This conceptualization in various thanatological discourses (from medico-biological to humanitarian one) comes out to be not the conception of death as itself but only different cultural images of death. It testifies that death is incomprehensible, and its incomprehensible nature is available only through philosophical reflection.

Key words and phrases: death; thanatology; science; nature; dialectics; metaphysics; mystery of death; philosophy; modern culture.

УДК 394

Философские науки

В статье анализируются ценностные предпочтения провинциального жителя на примере Нижнего Новгорода. Рассматривается роль классической культуры, воплощенной в научном знании, системе светского образования и просвещения, в формировании социокультурных ориентиров и субъективной оценки качества жизни горожан. Исследуются культурные потребности жителей мегаполиса и степень их удовлетворенности.

Ключевые слова и фразы: культура провинции; культурный контекст; образование; наука; ценностные ориентиры; культурные потребности; качество жизни.

Сметанина Татьяна Александровна, к. филос. н., доцент

Шмелева Наталья Владимировна, к. филол. н.

Нижегородский государственный педагогический университет имени К. Минина

TanSmetan@yandex.ru; shmelevanv@mail.ru

НАУКА И ОБРАЗОВАНИЕ КАК ФАКТОРЫ КАЧЕСТВА ЖИЗНИ РОССИЙСКОЙ ПРОВИНЦИИ

Публикация подготовлена в рамках поддержанного совместным конкурсом РГНФ и Нижегородской области научного проекта № 14-13-52002.

Провинциальный контекст русской культуры вызывает устойчивый интерес отечественных мыслителей с XIX века по сей день. Деление на столичную и провинциальную Россию подразумевало различие России европеизированной и самобытной, сохранившей «коренные начала» русской жизни. Европейская просветительская парадигма осмысления культуры предполагала в качестве основных критериев ее оценки уровень развития науки и образования, просвещенности в области гражданско-правовой культуры и в конечном счете степень индивидуальной свободы [1].

Однако столь жесткое противопоставление этно-религиозной традиции ценностям науки, образования, светской культуры уже не отражает реалии современного общества. Последние, напротив, воспринимаются сегодня как воплощение классической культуры, ставшей традиционной для многих поколений россиян. Наука, образование, просвещение определяли ценностные ориентиры российской интеллигенции XIX века, занимали важнейшее место в отечественной культуре советского времени. Каковы ее шансы устоять перед натиском массовой культуры, ренессансом религии и этнических традиций?